

IV

По мере того как великан говорил, взгляд его становился все мрачнее, и большая рука, которую он иногда лихорадочным движением поднимал кверху, отбрасывала на стене причудливые тени, отчетливо выделявшиеся при свете догорающей свечи.

Однако, дойдя до этого места своего рассказа, он вдруг замолчал и словно замер.

Сгорбившись, согнувшись под тяжестью горя, он напоминал статую застывшего в задумчивости индийского божества, над которым навис неумолимый рок.

Грустно было смотреть на этого человека — атлета и великана, согбенного рукою женщины; голова его, словно вершина высокого дерева, прибитая дождем, поникла от ветра горьких воспоминаний.

Я не прервал его молчания. Через несколько минут он выпрямился, покорный, суровый, и продолжал горестную повесть своей печальной любви.

— Все было кончено: та, ради которой я простился с жизнью честного человека, кому отдал свое тело — тело великана и тело мужчины, — кому продал душу, она, эта ярмарочная девка, обманывала меня с пьяным шутком, распутным выходцем из грязных предместий.

Падение было ужасно, будто я упал со всей высоты своего роста — моего роста! Удар оглушил меня. Прошло уже немало времени, но рана, — и он с грустной улыбкой приложил руку к сердцу, — рана еще не затянулась.

Я бы меньше страдал, если бы ее выбор оказался не таким низкопробным: моя боль еще усиливалась от того, что она так унизила себя. Я обманулся в ней. Ее, как и всех, ей подобных, влекло к сточной канаве, и когда я — жалкий безумец! — приписывал ей душу, способную понять мою, я забывал о впечатлениях ее детства и юности, о близости притонов предместья, о ее общении с уличными негодьями.

Вы, наверное, хотите знать, чем кончилась эта сцена и каково было объяснение?

Она нагло отрицала все, а я, презренный и слабый человек, сделал вид, будто поверил ее клятвам, и на уничтожающие шутки окружающих ответил улыбкой. О, эта улыбка! Она дорого стоила мне. Мне пришлось напрячь все силы, чтобы выдавить ее на своем лице.

Вы не поверите, если я расскажу вам, что произошло дальше.

Покидая балаган, откуда нас выгнала измена Розиты, я сам предложил Бетине — да, да, шуту Бетине — отправиться вместе с нами.

Жалкий хвостун! Я хотел доказать этим, что не верю «кле- вете». А может быть, я немного побаивался, что без него Розита не согласится уйти со мной.

Отчасти тут говорил и мой эгоизм. Я испортил свою жизнь и непременно желал, чтобы ядро, к которому я сам приковал свою цепь, ушло вместе со мной.

Так или иначе, но все произошло именно так, как я сказал, и когда мы выходили из балагана, Бетине вел под руку Розиту.

Должно быть, я совсем обезумел — совсем обезумел, или поступил, как презренный трус?..

Так пусть же тот, кто никогда не безумствовал и не унижался ради женщины, первый бросит в меня камень!

С этими словами великан поднял голову; его горящий взгляд точно бросал вызов невидимому врагу.

— Не стану докучать вам рассказом о моих треволнениях. Из них состоит вся жизнь; вздохи не кормят, а горе сушит.

Надо было зарабатывать на хлеб.

По роковой случайности, в той деревушке, где жили Поваренок с сестрой, прошла эпидемия холеры и унесла обоих.

Необходимо было забрать Виолетту, и однажды утром малютка появилась в нашей жалкой харчевне.

Все говорили, что она похожа на меня; Бетине постоянно отпускал шуточки на сей счет, но он возненавидел ее за это сходство, и Розита не смела поцеловать ребенка в его присутствии.

Благодарение богу, девочка прожила недолго, но — увы! — ее смерть оказалась жестокой драмой.

Мы отправились искать работу на соседнюю ярмарку, но все амплуа были уже заняты, в частности мое.

Здесь пользовался успехом великан, который был на семь дюймов выше меня ростом, а это значило больше, чем любой Диплом, и совершенно затмевало звание бакалавра. Как-то Утром он спустился в деревянных башмаках со своих гор, и не успел его длинный остов вытянуться перед занавесом, как выручка поднялась.

Розита и Бетине могли бы получить ангажемент, но тогда нам пришлось бы расстаться, а этого не хотел никто из нас — ни Бетине, который был слишком ленив, ни Розита, хотевшая того же, чего хотел он, ни я, готовый на все, лишь бы не разлучаться с ними.

К счастью, на краю ярмарочной площади оказался зверинец, где совсем недавно был страшно изуродован укротитель.

Нам — Розите и мне — предложили заменить этого укротителя, при условии, что мы будем вместе входить в клетки.

Вас, видимо, удивляет, что нам ни с того ни с сего сделали подобное предложение и что мы решились принять его?

— Ну, вы — это еще понятно, но Розита...

— О, Розита ни минуты не колебалась. Можно было подумать, что ей, негоднице, даже приятно было подвергаться опасности со мной рядом, — ведь на следующий же день после моего постыдного открытия, убедившись в том, что я не поверил ни одному слову ее дерзкой лжи, она принялась с особенным удовольствием растравлять преступной грацией и дразнящими ласками жестокую рану, которую сама нанесла мне.

В иные минуты я мог бы поклясться, что она все еще меня любит!

Итак, мы приняли кровавое наследство укротителя и начали обучаться его ремеслу.

Как печальна участь диких зверей, попавших во Францию!

Задумчивые и вялые, они лежат, вытянувшись, на пыльном полу.

Их поймали в пустыне, где пески жгучи.

Они свободно бродили там под открытым небом, встречали утром восход солнца, днем охотились, а вечером возвращались, сытые, в свое логово, и их рычание терялось в необъятном просторе.

Здесь они сидят в трехметровой клетке, побежденные, порабощенные, покорные! Там они рычали — здесь зевают, там они рвали живое мясо и пили дымящуюся кровь — здесь их корм ограничен, да и этот жалкий корм они еще должны заработать.

Им невольно приходится нарушать свое презрительное молчание или тихий сон.

— Смирно, д'Артаньян! Умри! Эй, хищники, молчать!

Львы, тигры, пантеры, леопарды, волки, гиены! Белый медведь, этот выброшенный кораблекрушением северянин, который переплывал на льдине моря и ревел, вторя ветру, теперь, точно верблюд, вытягивает шею по направлению к водоему, мерно качает головой, словно безумный, и его монотонные жалобные крики раздаются из-за прутьев решетки. Слышите вы их?

Каким же образом, спросите вы, приступили мы к этому делу?

Неужели нам, новичкам в этом гареме с самыми смешанными запахами, предстояло проникнуть в тайну, узнать секреты? Впрочем, какие там секреты!

Ласки, обессиливающие зверей, запахи, служащие защитой, раскаленный добела прут Морока — все это выдумки, легенды!

— В чем же объяснение?

— В законном торжестве мужества над грубой силой, терпения— над яростью, человека — над зверем. Бывает, что узники возмущаются, скалят зубы, ощетииваются. Поднимите палку и ударьте — ударьте сильно, наотмашь. Если они не согнут спину, переломайте им кости.

Большинство покоряется и поддается воспитанию, как собаки или дети: немного ласки, немного шлепков, побольше сахара — и дело в шляпе.

Если зверь с норовом и уже не молод, он требует больше времени и осторожности. Мы знали это.

В течение трех недель мы неустанно бродили перед клетками, останавливаясь перед каждой, разглядывая ее обитателя, выкрикивая его имя, стараясь приучить его к себе, а потом и внушить любовь. Если бы кто-нибудь предсказал мне это, когда я был учителем в седьмом классе! Правда, во время поездок нам уже приходилось видеть зверинцы, случалось просовывать руку в клетки гиен и львов. Пример сторожей, обращавшихся с хищными зверями, как псари обращаются с собаками, ободрял нас. Кстати, их «хищность» — это предрассудок. Я наблюдал из своего окна, как жены укротителей спокойно вязали чулок, сидя у себя в комнате, а львята подле них играли с добродушными медвежатами. Всего опаснее бывала пантера.

— Однако сердце сильно билось у меня в тот день, когда я впервые вошел в клетку, и вы понимаете меня.

Я решил, что сначала рискну сам и позволю войти Розите лишь в том случае, если благополучно выберусь оттуда.

Для первого опыта я выбрал льва, того самого, который наполовину сожрал своего хозяина. Такова уж моя натура — самому бросаться навстречу опасности: быть может, это своего рода трусость, желание покончить сразу — умереть или победить.

Итак, я вошел.

За полуоткрытой дверью стояла вооруженная вилами Розита; перед клеткой, с железной палкой в руках, ждал Бетине, для которого я зарабатывал хлеб.

Лев не шевельнулся; он только поднял на меня свои грустные глаза и снова задремал. При виде этого колосса, которого я должен был потревожить, меня охватил страх, и — кто знает, — если бы здесь не было Розиты, если бы Бетине не был ее любовником, пожалуй, я

вышел бы из клетки, чтобы никогда туда не возвращаться. Но при ней, при нем мне хотелось бы быть храбрым. Да ведь и ей предстояло войти в клетку вместе со Мной! Надо было покорить зверя.

Я шагнул вперед, схватил льва за оба уха и, приподняв его громадную голову, встряхнул ее. Он испустил глухое рычание и попробовал было вырваться из моих рук, но я держал крепко. Стоило ему сделать малейшее усилие, повернуть шею, и он распластал бы меня на прутьях решетки. Он не сделал этого усилия. Я отпустил его и стал ждать. Он уныло повернулся и улегся в позе сфинкса. Я заставил его подняться и сделать несколько шагов вокруг меня. Он повиновался.

Чтобы пожелать человеческой крови, ему, этому низверженному царю, нужны были солнце Африки и ветер пустыни.

Я посмотрел на него почти с жалостью и уже без всякого колебания знаком предложил Розите войти.

Она вошла и закрыла за собой дверь.

— Он сожрет нас обоих, Великан, — тихо сказала она, подавая мне руку, ту самую руку, которая — я видел это — только сегодня утром горячо ласкала в укромном углу голову Бетине.

Однако вместо того чтобы броситься на нас, лев обнюхал Розиту и потерся гривой об ее юбку. Люди, стоявшие у клетки, опустили вилы; знакомство состоялось.

Выйдя из клетки льва, мы пошли по клеткам тигра, гиен, медведя, волков.

Три недели спустя был объявлен наш дебют под таким названием: «Христианские мученики».

Она была одета римской девственницей, я — Полиевктом[12] времен упадка, и мы изображали христиан, брошенных на съедение диким зверям. Я написал соответствующий текст, и его выкрикивал перед клетками Бетине, который был одет палачом, — горькая ирония! Мы принимали позы мучеников: опускали головы под морду тигра, вкладывали руки в пасть льва.

Наши костюмы сверкали при свете газа, мой гигантский рост придавал мне вид грозного героя. Розита, в светлом трико, опьяненная опасностью, трепещущая, походила на святую Терезу, умирающую в экстазе.

Зрители следили за нами затаив дыхание, вытянув шею. с пересохшим горлом, временами испуская вздохи ужаса; некоторые шептали:

— Как она прекрасна!

А я, словно и вправду желая вырвать у хищных зверей их добычу, обнимал ее обнаженными руками, и бывали минуты, когда мне хотелось задушить ее, — те минуты, когда, изнемогая и вся дрожа, она забывала о великане, забывала о львах и искала своими голубыми глазами Бетине, стоявшего перед клеткой, клоуна — палача Бетине, чтобы улыбнуться ему!

— Нам щедро платили, и мы имели огромный успех.

Но вот искалеченный укротитель вздумал продать свой зверинец. Мы опять остались бы на улице, без всяких сбережений — с Бетине было невозможно их сделать, — если бы хозяин, в сущности добрый человек, не выделил для нас двух клеток и не уступил их нам, предоставив рассрочку для уплаты.

Мы взяли их и стали пытаться зарабатывать на жизнь. Но нет, нищета возвратилась.

Мы водворились на несколько недель в маленьком южном городке, надеясь поправить там свои дела и, быть может, пополнить наш зверинец еще одним тигром или медведем.

Ничего не вышло, и не прошло месяца, как мы всем задолжали — ив гостинице и мяснику. В один прекрасный день он заявил, что не будет отпускать нам корм для зверей до тех пор, пока мы не расплатимся с ним.

Что было делать?

Это случилось в праздник; мы еще прежде объявили, что в этот вечер войдем в клетки, а звери ничего не ели. За решетками слышалась страшная возня, звери рычали, глаза их налились кровью, в брюхе было пусто.

Я выкрикивал отчаянные проклятья. Даже Бетине немного приуныл. Розита плакала, держа на руках Виолетту; бедная малютка грызла последний кусочек черного хлеба.

В цирках мне случалось видеть, что в конюшне не хватало соломы или овса в яслях... Но лошади могут ждать. В зверинцах не ждут. Между тем час представления приближался.

Войдем мы или нет? Нас ждала верная смерть.

Розита снова побежала к мяснику — ведь вся наша жизнь раскачивалась сейчас на крюках его лавки. Она вернулась в полном отчаянии.

Тогда я выхватил Виолетту из ее рук, побежал сам к торговцу мясом и показал ему бедную малютку, с трудом кусавшую черствый хлеб.

— Послушайте, — вскричал я, — вам будет уплачено сполна! Сейчас я объявлю по всему городу, что вечером войду в клетку льва и буду щипцами раздражать ему ноздри до тех пор, пока он не зарычит и не разъярится. И со мной будет моя дочь! Так угодно ли вам, чтобы перед этим лев поел?

— Лев поел, а вечером пришла толпа, гнусная толпа, которая жаждала жуткого зрелища и потребовала, чтобы, как ей было обещано, отец и дочь вместе вошли в клетку.

Я впервые ощущал страх, а животное казалось разъяренным.

Пришлось подчиниться! Крики публики, страх перед мясником, необходимость заработать на кусок хлеба толкнули меня в коридорчик, откуда был выход в клетку, и я вошел с Виолеттой На руках.

Лев хорошо знал ее, и еще сегодня утром она несколько раз запускала ручонки в его гриву.

Но вынужденный пост в течение целого дня разозлил кровожадного обитателя клетки, и, когда я вошел, он глухо зарычал.

Затем, не дожидаясь, чтобы заговорил мой хлыст, он встал на дыбы, положил обе передние лапы мне на грудь и застыл в этой позе, глядя мне в глаза.

Голова зверя показалась мне огромной. Его жгучее дыхание пахнуло мне в лицо.

Я задрожал. Лев почувствовал это.

Спокойно, беззвучно он снова опустился на четыре лапы.

Я хотел выйти, но он встал между мной и дверью.

Тогда, собрав всю свою волю и поставив на карту все, одной рукой я прижал к себе плачущую Виолетту, а другой хлестнул хищного зверя бичом по морде.

Боль исторгла у него такое дикое рычание, что зрители похолодели от ужаса.

— Выходите! — крикнуло несколько голосов сразу.

А зачем вы заставили меня войти сюда, убийцы?

Мне удалось все же пройти мимо льва и приподнять дверь, но для этого я вынужден был отвернуться от врага и на один миг оторвать взгляд от его глаз.

Я услышал прыжок, обернулся... Убийство совершилось.

Личико нашей бедной малютки было сплошной кровавой раной, и глазки висели, вырванные львиными когтями.

Одним ударом он разодрал ей лицо и лапой заглушил крик. Увидев эту обезображенную головку, толпа испустила вопль ужаса: у ребенка не осталось даже рта, чтобы кричать.

Лев отошел в угол и лег. Теперь я имел возможность выйти из клетки.

Виолетта прожила еще некоторое время, но это была уже не она: то, что осталось от ее лица, было страшно. Ее можно было бы показывать за деньги, как монстра.

Розита жестоко страдала, и в течение нескольких недель я не видел, чтобы Бетине прокрадывался в конуру, служившую альковом.

Лукавый, до гнусности хитрый, он сумел стушеваться перед лицом несчастья. Думаю даже, что он сумел выдавить крокодиловы слезы, чтобы проявить сочувствие к материнскому горю.

А что сделал я? Совершил безумство.

Я убил этого льва в рукопашной схватке.

Он был найден мертвым в своей клетке, а я лежал там же, залитый собственной кровью, зарывшись лицом в его раны.

Великан расстегнул жилет и показал мне грудь, искалеченную, искромсанную, покрытую страшными рубцами.

— Убив льва, я окончательно разорил нас, и на мое лечение пришлось продать все, что оставалось.

Мы продолжали еще таскать по ярмаркам несколько тощих гиен, но они не делали сборов, и в конце концов, постепенно распродав наш дикий скот, мы снова впали в нищету и вынуждены были всячески изворачиваться, чтобы не умереть с голода. Счастье еще, что нам удалось купить фургон, тот самый, который у нас сейчас, и доски для балагана.

— Пожалуй, — сказал великан, — я мог бы прервать на этом рассказ о моих приключениях... Тем более, — добавил он с видом человека, покорившегося судьбе, — что тут, собственно, и кончается драма.

Я примирился со своим позором. Виолетта умерла. Я уже не борюсь с течением и пустил свое сердце по воле волн.

Бетине по — прежнему любовник Розиты. Он бьет ее и изменяет ей. Я утешаю ее и кормлю. Но любит она его.

Ханжа и трус, я делаю вид, что ничего не знаю, и если им случается выдать себя при мне, я угодливо прикидываюсь глухим и слепым.

Порой я слышу через перегородку их вздохи, смех — впрочем, смех теперь стал редок... Когда же мне кажется, что они могут меня заметить, я прячусь от них и забираюсь в самые темные углы.

Время от времени Розита бросает мне подачку, и я принимаю ее: постыдные ласки, гнусная любовь.

Вот так-то мы — циничное трио каторжников — и влачим втроем наше жалкое существование.

Каждый в отдельности отлично мог бы заработать себе на хлеб, но вот в силу какого-то безмолвного соглашения, в котором переплелись ревность и трусость, мы живем, окунувшись в грязь и стыд по самое сердце.

Так проходят дни, месяцы, годы. И здесь, — великан показал на свою шевелюру, — здесь уже немало седых волос.

Я обязан был приносить пользу мне подобным и мог занять свое место в мире.

Что подумает бог, когда потребует от меня отчета в моих деяниях?

— Господи, — отвечу я, — я гадал на картах, держал шест, бил в барабан...

Достаточно ли этого, чтобы попасть в рай? Поймет ли он?.. Иногда меня охватывает желание уйти! Но куда?

Разве легко мне будет сейчас начинать все снова? И разве Достаточно мне прийти в коллеж, чтобы найти там свою прежнюю кафедру и учеников?

И главное, что станется с ними, если я их брошу? Я — лучшая карта в их игре, их козырь.

Бетине ленив; к тому же водка сожгла его красноречие.

Розита морщится теперь при виде сорокакилограммовой гири и чересчур растолстела для акробатических номеров.

Вот так мы и будем жить до тех пор, пока кто-нибудь из нас не умрет. Они — любя и презирая друг друга, я — уте шаясь и немного гордясь тем, что приношу жертву. А. что будет дальше?

Будет то, что угодно богу. Я заслужил свои муки и не стану сетовать на наказание.

Тут великан поднялся с места и указал на побледневшее небо, предвещавшее скорый рассвет.

— Вот и утро, — сказал он, — а вечером мы должны быть в Медоне. Пойду разбирать балаган. В полдень мы будем уже в дороге.

Мы спустились вниз и еще немного поговорили, наслаждаясь утренней прохладой, потом расстались.

Я бродил по окраинам, пока не проснулся Париж, затем направился домой, размышляя над только что услышанной историей— типичной историей Человека. Извечная комедия! Бетине одурачивает великана. Шут убивает героя.

Проходя через ярмарочную площадь, я издали заметил высокого гимнаста, задумчиво и спокойно сидевшего на камне возле фургона: он ждал пробуждения Бетине и Розиты.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 13 мая 2026 10:11:38

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 13 мая 2026 10:11:56